

О ПЕРЕВОДАХ SAPPH. 31, 14 L.-P.

В своем знаменитом стихотворении «Кажется мне тот равным богам (Φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεοῖσιν)» (fr. 31 L.-P.) Саффо описывает чувства, которые охватывают ее лирическую героиню, когда та видит подругу. В четвертой строфе, которую опускает в переводе Катулл (Cat. 51, 1–12; ср.: В. А. Жуковский, «Сафина ода»¹, А. Н. Майков, «Из Сафо»²), перечисляются физиологические подробности состояния героини (стекает пот, охватывает дрожь). Заканчивается строфа словами: «я становлюсь зеленее травы (χλωρότερα δὲ ποίας), кажусь почти мертвой»³.

Согласно А. Ф. Лосеву, под словом χλωρός «греки понимали цвет созревающей нивы, когда она из зеленой становится желтой». Далее ученый ссылается на Гомера, у которого этим словом определяется мед (Π. XI, 637) и сыр (Od. X, 234)⁴, и продолжает: «Это цвет свежей молодой растительности (. . .) бледновато-зеленоватый цвет листвы и травы, еще не дошедших до полной зрелости. Сюда же относится и настоящий зеленый. . .». Затем, опираясь на трактат Псевдо-Аристотеля «О цветах» (§ 5), Лосев говорит о трех степенях «зелености», которые зафиксированы у греков терминами χλωρός, ποιώδης (или ποώδης) и πράσινος: «разница между ними — в светлоте: первый — более светлый, второй — темнее, третий — самый темный, близкий уже к голубому, его греки видели в растении лук-порей»⁵. У современника и соотечественника Саффо Алкея встречается словосочетание «тростник зелен[. . .] (κάλαμος χλωρό[. . .])» (fr. 115a

¹ Жуковский В. А. Сочинения. М., 1954. С. 11.

² Майков А. Н. Полн. собр. соч.: В 4 т. 7-е изд. СПб., 1901. Т. 1. С. 382.

³ Сравнение человека с чем-либо недолговечным известно уже Гомеру, сопоставляющему людей с листьями (см.: Π. VI, 146; XXI, 464). С травой человека отождествляли Исаия (Ис. 37:27; 40:6–7) и автор псалмов (Пс. 103/102:15). Ср.: Франк-Каменецкий И. Г. Колесница Иеговы // Труды по библейской мифологии. М., 2004. С. 166–167.

⁴ В этом месте содержится и опечатка, и ошибка: о меде говорится не в Π. XI, 637, а в Π. XI, 631; в Od. X, 234 читаем: «и сыр, и ячменную муку, и желтый мед (τυρόν τε καὶ ἄλφιτα καὶ μέλι χλωρόν)». У Софокла этим прилагательным определяется песок, ψάμαθος (Soph. Aj. 1064).

⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики: Ранняя классика. М., 1994. С. 450.

©А. Ю. Братухин, 2007

L.-P.). Анакреонт говорит о покрытом темной листвою лавре и о зеленых оливах (μελαφύλλωι δάφναι χλωραῖ τ' ἐλαίαι) (fr. 98 L.-P.).

Лишь немногие переводчики рискуют переводить Сапфо буквально: «...grüner ward ich als Gras» (E. Peterich)⁶; «Grün wie Gras...» (J. M. Stowasser)⁷; «I am greener than grass» (S. Ruden⁸, также J. Dubnoff⁹); «... зеленее / Становлюсь травы, и вот-вот как будто / С жизнью прошусь я» (В. Вересаев)¹⁰. В большинстве парафраз, реминисценций и переводов слово χλωροτέρα интерпретируется как «более бледная» или «бледная»: «Если же дух потрясен сильнейшей тревогой (vehementi magis est commota metu mens), мы видим, / Что и душа целиком то же самое чувствует в теле: / Пот выступает на нем, бледнеет вся кожа (palloremque existere toto corpore), немеет / Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает / Мраком глаза, звон в ушах, подкосились колени, и видно / Часто нам, как человек от ужаса (ex animi terrore) падает наземь» (Lucr. De rer. nat. III, 152–157, пер. Ф. А. Петровского). Плутарх, утверждая, что с Антиохом было то же, что и с Сапфо, говорит о «побледнении», ὠχρίασις (Demetr. 38); в другом месте этот же автор использует слово ὠχρότης «изжелта-бледный цвет» (Amatorius c. 18, p. 763a [IV 436, Bern.]). Этой традиции следуют и переводчики нового времени: «Paler than grass am I» (Bliss Carman)¹¹; «bleicher bin ich als das Gras» (E. Staiger)¹²; «...fahler als Gras erblass ich» (K. Preisendanz)¹³; «...fahler als Gras / bin ich» (W. Schadewaldt)¹⁴; «...blasser als falbes Gras auch / bin ich» (G. Thudichum)¹⁵; «I am paler than / grass» (H. T. Wharton¹⁶, также A. D. Maingon¹⁷); «... and grassy pale / I grow» (J. H. Merivale)¹⁸; «I am ghastly pale»

⁶ www.gottwein.de/Grie/LyrSapph31.htm#31LP

⁷ www.gottwein.de/Grie/LyrSapph31.htm#31LP

⁸ zingsolutions.com/Sarah/Sappho.htm

⁹ www.uh.edu/~cldue/texts/sappho.html

¹⁰ Античная лирика (Библиотека всемирной литературы: В 200 т. Т. 4). М., 1968. С. 56.

¹¹ *Sappho. One Hundred Lyrics* by Bliss Carman. London, 1930. P. 11.

¹² *Sappho. Griechisch und deutsch* / Hrsg. und übertragen v. Emil Staiger. Zürich, 1957. S. 10.

¹³ www.gottwein.de/Grie/LyrSapph31.htm#31LP

¹⁴ www.gottwein.de/Grie/LyrSapph31.htm#31LP

¹⁵ www.gottwein.de/Grie/LyrSapph31.htm#31LP

¹⁶ www.classicpersuasion.org/pw/sappho/sape02.htm#wharton002

¹⁷ duke.usask.ca/~niallm/110/Sappho.htm

¹⁸ www.classicpersuasion.org/pw/sappho/sape02.htm#merivale002

(W. Peterson)¹⁹; «Et pâle, sans haleine, interdite, éperdue, / Un frisson me saisit, je tremble, je me meurs» (N. de Boileau)²⁰; «I lose my colour» (Tennyson)²¹. Сумароков вслед за Буало исключает сравнение «зеленее травы», «более приемлемое и обычное для слуха русского поэта, имеющее фольклорную окрашенность в народной песенной традиции», ограничиваясь словами: «Бледнее и дрожу»²². Подобное толкование разбираемого пассажа обнаруживаем и у некоторых других русских переводчиков Саффо: «В смятении горю, бледнею... / Дрожу... и замираю я» (К. Ф. Рылеев)²³. «Вся дрожу, мертвею; увлажнен потом / Бледный лед чела: словно смерть подходит...» (Вяч. Иванов)²⁴. «... бледнее лунной оливы» (И. Евса)²⁵. Интересную параллель описанию состояния героини Саффо находим в пушкинском «Евгении Онегине»: «Тоска любви Татьяну гонит, / И в сад идет она грустить, / И вдруг недвижны очи клонит, / И лень ей далее ступить. / Приподнялася грудь, ланиты / Мгновенным пламенем покрыты, / Дыханье замерло в устах, / И в слухе шум, и блеск в очах... <...> И между тем луна сияла / И томным светом озаряла / Татьяны бледные красы...» (Ш 16, 1–8; 20, 5–7).

Часть переводчиков заменяют слово «трава» словом «сено» или снабжают его определением «поздняя», «сухая», «осенняя»: «blasser bin ich / wie Heu» (Heinse)²⁶; «... und erbleicht wie Spätgras bin ich» (A. Möbius)²⁷; «I become paler than drought-grass» (D. W. Myatt)²⁸. «... paler than I / Than dried grass in autumn» и «I

¹⁹ www.classicpersuasion.org/pw/sappho/sappeter.htm

²⁰ См.: Sappho // Text établi et traduit par Th. Reinach avec la collaboration de A. Puech. Paris, 1937. P. 195.

²¹ www.classicpersuasion.org/pw/sappho/sape02.htm#tennyson002

²² *Свилясов Е. В.* У истоков феномена «Сафо в России» (Сафо и Сумароков) // ЕПШТОЛАИ: Сб. ст. к 80-летию профессора Наталии Александровны Чистяковой. СПб., 2001. С. 161–162.

²³ *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 305.

²⁴ *Иванов Вяч.* Стихотворения и поэмы. Л., 1978. С. 399.

²⁵ *Сафо.* Остров Лесбос. М., 2001. С. 45.

²⁶ *Rüdiger H.* Geschichte der deutschen Sappho-Übersetzungen. Berlin, 1934. S. 27.

²⁷ Sappho's Oden griechisch und deutsch, mit erklärenden Anmerkungen v. Anton Möbius. Hannover; Hahn, 1815. S. 25. В прим. к стиху 14 А. Мёбиус пишет: «χλωροτέρα означает, согласно Кёррен, собственно желто-зеленый, бледный цвет лица, вызываемый сильными переживаниями, такими, как гнев, страх и т. д. <...> под ποῦα (sic!) нужно понимать бледно-желтые травы или листья. Ср.: Ov. Met. IV, 134 oraque buxo pallidiora gerens exhorruit...». (Ibid. S. 46–47).

²⁸ www.classicpersuasion.org/pw/sappho/sappmyatt.htm#myattL31

am paler than [dried] grass» (E. M. Cox)²⁹; «... and paler than grass in autumn» (J. A. Symonds³⁰, также W. Rh. Robert³¹). Почти также истолковал этот образ еще лесбосец Лонг: «лицо [Дафниса] стало бледнее летней травы (χλωρότερον τὸ πρόσωπον ἤν ποίας θερινῆς)» (Daph. et Chl., I 17, 4). Любопытно, что яркое сравнение Сапфо с уточнением Лонга было дважды использовано Алджерноном Чарлзом Суинберном (1837–1909). В *Sapphics* он так описывает знаменитую лесбоскую поэтессу: «... but about her forehead, / Round her woven tresses and ashen temples / White as dead snow, paler than grass in summer, / Ravaged with kisses, / Shone a light of fire as a crown for ever (... но вокруг ее лба, / Вокруг ее заплетенных локонов и пепельных висков / Белый, словно безжизненный снег, бледнее летней травы, / растраченный в поцелуях / Сиял свет пламени как вечный ореол)» (33–37). В *Aholibah* (ср.: Иез. 23:4, 11, 22): «Also her bed was made of green, / Her windows beautiful for glass / That she had made her bed between: / Yea, for pure lust her body was / Made like white summer-coloured grass (И ее ложе было сделано из зелени, / Ее окна прекрасны благодаря стеклу, / Так что она сделала свое ложе между ними: / Да, для чистой похоти ее тело было создано подобно белой, окрашенной по-летнему траве)» (131–135)³².

Уже греческие авторы пытались откорректировать выражение Сапфо, либо добавляя определение траве, либо используя другие слова для описания цвета лица. Очевидно, это сравнение казалось им подлежащей изменению поэтической вольностью. Автору «Дафниса и Хлои», по всей видимости, не нравилась двусмысленность выражения χλωρότερα δὲ ποίας, которое допускало два взаимоисключающих толкования («более цветущая, чем трава»³³ и «бледнее травы»). Прилагательное θερινός («летний»), восходящее к θέρος

²⁹ www.sacred-texts.com/cla/sappho/sappho0.htm

³⁰ www.classicpersuasion.org/pw/sappho/sape02.htm#symonds002

³¹ www.classicpersuasion.org/pw/longinus/desub003.htm

³² www.people.virginia.edu/~bpn2f/Swinburne/1866.html

³³ Согласно словарю Лиддела-Скотта (LSJ), среди значений рассматриваемого прилагательного есть «fresh» (opp. «dry») и «blooming» («свежий» и «цветущий»); ср.: рус. «молодо-зелено». То, что прилагательные χλωρός и ξηρός «сухой, высушенный» могли выступать как антонимы, видно из следующего примера: «одни побеги <орешника> сухие, другие же свежие и цветущие; подобным образом и корни: одни свежие, другие сухие (τῆσδε (τῆς καρύας) οἱ μὲν τῶν πτόρθων ξηροὶ εἰσιν, οἱ δὲ χλωροὶ καὶ ἀκμάζοντες, καὶ αἱ ῥίζαι ὁμοίως αἱ μὲν χλωραί, αἱ δὲ ξηραί)» (*Michael Ephesius*. In *Parva Naturalia commentaria* / Ed. P. Wendland. Berlin, 1903 (Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. XXII. Pars. I. P. 97)).

(«лето», «летняя жара»), в сапфической реминисценции у Лонга призвано было указывать на второе значение рассматриваемого сравнения³⁴. Плутарха парафразировать стих Сапфо побудил, возможно, тот факт, что люди у греков обычно «зеленеют» от ужаса (ср.: приведенный выше отрывок из поэмы Лукреция). В *Илиаде* читаем: «В землю воткнулось копые, и троянец [т. е. Долоп] стоял, цепenea: / Губы его затряслись, и зубы во рту застучали; / С ужаса бледный (χλωρός ὑπὸ δαίμονος) стоял он» (II. X, 376, здесь и ниже пер. Н. И. Гнедича); «стали трояне / Бледны от страха и трепетны (χλωροὶ ὑπὸ δαίμονος πεφοβημένοι)» (II. XV, 4). χλωρός — эпитет Ужаса: «И страх находил на пирующих бледный (χλωρὸν δέος)» (II. VII, 479; ср.: Od. XI, 43); χλωρὸν δεῖμα (Eur. Suppl. 599; ср.: Aesch. Suppl. 566). Любопытно замечание Евстафия в «Комментариях к *Илиаде* Гомера»: «“зеленые (от страха)” то же самое, что и “бледные (от страха)” (τὸ χλωροὶ ταῦτόν ἐστι τῷ ὄχροι)» (Vol. III. P. 689).

Интересно отметить, что связь между «страхом» и «позеленением» характерна не только для древнегреческой традиции. В Библии читаем: «Так сказал Господь: голос смятения и ужаса слышим мы, а не мира. Спросите и рассудите: рождает ли мужчина? Почему же Я вижу у каждого мужчины руки на чреслах его, как у женщины в родах, и лица у всех бледные?» (Иер. 30:5–6. Septuaginta: ἐστράφησαν πρόσωπα, εἰς ἕκτερον ἐγένηθη Иер. 37:5–7). В еврейском тексте употреблено слово со значениями «бледность» и «ржа», образованное от корня утq, от которого образованы также слова со значением «зеленый цвет» и «травы». Существует мнение, что цвет коня Апокалипсиса подобен бледному лицу охваченного ужасом человека: «И я взглянул, и вот, конь бледный (χλωρός), и на нем всадник, которому имя ‘смерть’» (Откр. 6:8)³⁵. Здесь можно вспомнить строки В. Я. Брюсова из его стихотворения «Конь блед»: «Конь летел стремительно и стал, с огнем в глазах. / В воздухе еще дрожали — отголоски, крики, / Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!» (2, 6–8). Ср.: фр. *vert de peur* ‘зеленый от страха’.

Таким образом, вызванное любовной страстью, а не испугом «позеленение» героини Сапфо не вполне вписывалось в древнегре-

³⁴Ср.: «засохшая трава белеет (ἡ πόα ἀναίνομένη λευκαίνεται)» (Aristot. De generatione animalium. 785a [Bekker]).

³⁵См.: Ford J. M. Revelation: The Anchor Bible. Garden City; New York, 1975. Ad loc.; Mounce R. H. The Book of Revelation: The New International Commentary on the New Testament. Grand Rapids, 1977. Ad loc.

ческую литературную традицию, в то время как бледно-желтый цвет лица (ὠχρός) в ней характеризовал самые разные состояния персонажей. В «Облаках» Аристофана Правда обещает Фидиппиду, что его кожа станет желто-бледной (χροῖὸν ὠχράν), если он будет жить согласно новым обычаям (Ag. Nub. 1017), а в «Плутосе» этого же автора словом ὠχρά определяется старуха-Бедность (Ag. Pl. 422).

Еще одна причина несогласия Плутарха с формулировкой лесбосской поэтессы, по всей видимости, — само сравнение побледневшего человеческого лица с травой, о которой, кстати, в тексте этого автора не говорится. Трава (ποιά) в своем обычном состоянии блеклостью не отличается; согласно LSJ, это слово может означать: «A. *grass*. 2. generally, *herb*; collect., *herbaceous plants*; esp. of medicinal *herbs*. b. *lye*. 3. *plant* in general. 4. *the grass*, i.e. a *grassy place*. II. in later Poets, of Time, *hay-harvest*, i.e. *summer*». Как было сказано, насыщенный зеленый цвет, согласно Псевдо-Аристотелю, характеризуется именно словом ποιόδης. В словосочетании χλωρὰ ποῖα скорее прилагательное, могущее означать «бледно-зеленая», «зеленая» и «свежая», под влиянием существительного, обозначающего траву вообще, могло расцениваться как синоним к ποιόδης, чем существительное, не имеющее значения «только что взошедшая», «выгоревшая на солнце» или «увядшая трава», под влиянием указанного прилагательного могло наделяться одним из этих нехарактерных для себя узких значений. Заметим, что в Новое время была даже попытка заменить у Сапфо слово ποῖα (πούα) словом θάψος³⁶ (θάψος ‘тапс, растение, из которого получали желтую краску для окрашивания тканей’).

Попытаемся выяснить, что хотела передать лесбосская поэтесса при помощи своего сравнения. Образ разливающейся по лицу краски используется Сапфо и в другом месте. Во fr. 100 Bergk (ср. 112 L.-P.) читаем: «И разлился на милом личике медоцветный... (μελίχιος δ' ἐπ' ἰμέρτῳ κέχεται προσώπῳ)» (пер. В. Вересаева). Здесь цвет меда³⁷ расценивается поэтессой как приятный для глаз и естественный (вспомним, что у Гомера χλωρόν — определение меда). Во fr. 105 L.-P. речь идет о девушке — сладком, но недоступном яблоке, краснеющем высоко на ветке (οἶον τὸ γλυκύμαλον ἐρεῦθεται ἄκρῳ ἐπ'

³⁶Sappho's Oden griechisch. . . S. 47.

³⁷Ср.: Plat. Resp. V, 474 e; Theoc. 10, 27; Lucr. IV, 1160.

ῥοδῷ). Красный и золотой (желтый) могут быть противопоставлены «более зеленому» как цвета «теплые» цвету «холодному»: поскольку в античности цвет рассматривался «не сам по себе, а вместе с теми телами, для которых он характерен»³⁸, современники Сапфо, прочитав сочетание «зеленее травы», должны были представить себе не некий абстрактный бледно-зеленый цвет, а цвет, похожий на тот, который имеет трава, только более (или менее) интенсивный³⁹. Так, «осязательно-вещественный опыт красного цвета говорит нам о связи покраснения с нагреванием (. . .) само пламя — красное и горячее одновременно»⁴⁰. Нечто подобное можно сказать и о «солнечно-желтом» цвете. Зеленой же или зеленоватой бывает освежающая морская волна, холодная от росы трава и дышащая прохладой роща.

Выше было показано, что словом χλωρός у Гомера обозначался цвет лица пораженных ужасом людей. Сапфо как бы показывает, что ее лирическая героиня находится в еще более критическом состоянии. Она изображается поэтессой не как испуганная, а как близкая к смерти: вспомним конечные слова в четвертой строфе. Можно найти некоторые параллели между происходящим с героиней Сапфо и симптомами у больных «чумой», описанные Фукидидом (Thuc. II 49, 2–6):

трепещет сердце (καρδία)	болезнь достигала входа в желудок (καρδία) (3)
немеет язык	глотка и язык становятся кроваво-красными (2)
под кожей пробегает легкий (λέπτου) ⁴¹ огонь	внутренний жар так велик, что больным невыносимы даже очень легкие (λεπτά) покрывала (5)
глаза не видят	наблюдается покраснение и воспаление глаз (2)

³⁸ Лосев А. Ф. История античной эстетики. С. 381.

³⁹ Учитывая слова Диона Хрисостома: «(люди) после многочисленных трудов и испытаний получают в награду (победный венок) из пинии с Истма, хотя она не зеленее остальных (τὴν μὲν ἐξ Ἴσθμοῦ πίτυν, οὐδὲν οὖσαν τῶν ἄλλων χλωροτέρην, μετὰ πολλοῦ πόνου καὶ κακῶν ἀναπροῦνται)» (Orationes. 66, 5), можно предположить, что под словом χλωρότερος следует понимать более яркий цвет.

⁴⁰ Лосев А. Ф. История античной эстетики. С. 446. Согласно Феофрасту (Theophr. De sens. 75), «Красное (. . .) состоит из таких же [фигур], что и теплое (. . .)» (там же. С. 443, пер. А. Ф. Лосева).

⁴¹ Ударение на первом слоге — особенность эолийского диалекта.

в ушах шум	появлялся сильный жар в голове (2)
струится пот, тело охватывает дрожь	сильные судороги (4)
оно становится зеленее травы	тело не бледное (χλωρόν), но красноватое (υπέρουθρον), посиневшее (πελιτνόν) (5)

У древнегреческих врачей словом χλωρόν мог обозначаться желтоватый цвет. Гиппократ, например, пишет, что при желтухе глаза становятся χλωροί (De morbis. II, 38).

А. Мёбиус говорит о «смертельной бледности» лица героини Сапфо («Todtenblässe überzieht ihr Angesicht») ⁴². Согласно Андре Боннару, у героини «огонь распространяется по жилам, глаза отказываются видеть, в ушах только шум крови, все тело ее начинает дрожать и приобретает оттенок трупа» ⁴³. Здесь можно вспомнить слова из повести Н. В. Гоголя «Вий». Рассказывая о первой ночи, проведенной Хомой Брутом в церкви, Гоголь пишет: «Гроб грянулся на середине церкви и остался неподвижным. Труп опять поднялся из него синий, позеленевший». В фукидидовском описании симптомов «чумы» более яркие красноватый и синеватый цвета у тела ⁴⁴ противопоставлены бледно-зеленому (или бледно-желтому). Этот прием призван, очевидно, продемонстрировать особо тяжелое состояние страдающих от чумы людей: обычная у больных бледность заменяется непривычным для человеческой кожи цветом. В fr. 31 L.-P. Сапфо мы наблюдаем сходную ситуацию: поэтессе нужно показать читателям необычность испытываемых героиней чувств ⁴⁵. Однако в отличие от Фукидида она воспользовалась не противопоставлением двух цветов, а сравнением разных оттенков одного цвета.

Употребленное в отношении цвета кожи сравнение «зеленее травы» во фр. 2 (Bergk) может быть расценено как попытка Сап-

⁴²Sappho's Oden griechisch. . . S. 41.

⁴³Боннар А. Греческая цивилизация: В 3 т. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1994. С. 115–116.

⁴⁴Ср.: Лев. 13:49: «... и пятно будет зеленоватое (χλωρίζουσα) или красноватое (πυρρίζουσα) на одежде или на коже (...), — то это язва проказы»; см. также: Лев. 14:37.

⁴⁵Еще И. Я. В. Гейнзе пытался объяснить «ночь перед глазами», «шум в ушах», появление «зеленого и желтого цвета кожи (Grünen und Gelben der Haut)» необычайной любовной ситуацией (aus der unmöglichen Situation der Liebe), описанной поэтессой. См.: Rüdiger H. Geschichte der deutschen Sappho-Übersetzungen. S. 25.

фо предельно «сгустить краски» при описании чувств ее героини, бледность которой превосходит, очевидно, бледность пораженных ужасом людей своей неестественностью. Как и гиперболы — «гораздо белей яйца (ὥϊώ πολὺ λευκότερον)» fr. 167 L.-P., «гораздо сладкозвучнее арфы, более золотая, чем золото (πόλυ πάκτιδος ἄδυμελεστέρα (. . .) χρῶσω χρυσοτέρα)» (fr. 156 L.-P.), «волосам, более рыжим, чем факел (ξανθοτέρα(ι)ς (. . .) κόμα(ι)ς δάιδος)» (фр. 98a L.-P.) — сравнение «зеленее травы» призвано создать впечатление чего-то исключительного. Подобным приемом пользовался и Алкей: «Черпающие то от сладкого, как мед, то от более острого, чем терние (ἄλλοτα μὲν μελιάδεος, ἄλλοτα / δ' ὄξυτέρω τριβύλων ἀρυτήμενοι)» (fr. 369 L.-P.); «более воинственным, нежели Арес (Ἄρεος στροτιωτέροις)» (fr. 372 L.-P.).

Попытки переводчиков откорректировать слова поэтессы, давая определения к слову «трава» или заменяя прилагательное «зеленее» прилагательным «бледнее», представляются не вполне корректными, поскольку при этом яркий поэтический образ превращается в ботаническое описание, подобное тому, которое находим у Диоскорида Педания⁴⁶. Никому ведь не приходит на ум каким-то образом изменять словосочетание «яйца белей». «Исправляя» Сапфо, Лукреций, Плутарх и Лонг лишают создаваемый ими текст присущей оригиналу парадоксальности. В самом деле, словосочетание «зеленая трава» может рассматриваться как устойчивое⁴⁷. Таким образом, выражение «зеленее травы» должно быть понято как «зеленее зелени» или «бледнее бледности» (ср.: «более золотая, чем золото»). Подобное сравнение находим у Иоанна Хрисостома: «Говорят, что ящерица — зеленая, но она не зеленее завистников (Λέγεται εἶναι ἡ σαῦρα χλωρά, ἀλλ' οὐκ ἔστι τῶν φθονερῶν χλωροτέρα)»

⁴⁶ Согласно этому древнегреческому врачу, листья хамедафны похожи на листья лавра, но гораздо мельче и зеленее (ταύτης [χαμαιδάφνης] δὲ τὰ φύλλα ὅμοια δάφνῃ, λεπτότερα δὲ πολλῶ καὶ χλωρότερα (De materia medica. IV, 147, 1), а «листья кипра подобны листьям оливы, только шире, мягче и зеленее» — κύπρος δένδρον ἐστὶ φύλλα ἔχον (. . .) ἐλαία παραπλήσια, πλατύτερα δὲ καὶ μαλακώτερα καὶ χλωρότερα (Ibid. I, 95, 1; ср.: III, 125, 1; Oribasius. Collectiones medicae. XI, κ, 46).

⁴⁷ В схолиях к «Одиссее» сказано: «(Гомер) называет зеленым ужасом новое, в качестве метафоры пользуясь образом только что зазеленевшей травы (χλωρὸν δέος φησὶ τὸ νέον ἐκ μεταφορᾶς τῆς νεωστὶ χλοαζούσης πόας)» (XII, 243). Ср.: «на зеленой траве (ἐπὶ τῷ χλωρῷ χόρτῳ)» (Мк. 6:39); «вся зеленая трава сгорела (πᾶς χόρτος χλωρὸς κατεκάη)» (Откр. 8:7).

(Ioannes Chrysostomus. In illud: Exeuntes pharisaei). Согласно Иоанну Дамаскину, ящерица не зеленее болтуна: οὐκ ἔστι χλωροτέρα τοῦ φλυάρου (*Ioannes Damascenus. Sacra parallela*)⁴⁸.

Summary

In this article Latin, Russian, German, French and English translations of the Sapph. fr. 31, 14 L.-P. are examined and the reasons of some inexactitude and modifications in these versions are analysed. Comparing her complexion with the colour of grass, Sappho points to the uncommonness of the heroine's feelings, when she is in a more critical situation, than the Trojans (Il. XV, 4): she is in a death-like state. But unlike Thucydides with his three colours (Hist. II 49, 5) the poetess speaks about the different tints of one colour. The poetess warms to such hyperboles as "more white than egg", "more golden than gold" etc., and the translators, who replace in her text "greener" with "paler" or add an attribute "dried" to "grass", change the figure into some botanical description.

⁴⁸По всей видимости, речь здесь идет о «ящерице зеленой» (*Lacerta viridis* Dand.), обитающей в южной (от Греции до Испании) и средней Европе. От этих двух риторических преувеличений следует отличать «научное» сравнение, которое делает Гиппократ, говоря о желтухе: «вся кожа (больного) по внешнему виду очень похожа на гранат или зеленеет, как у зеленых ящериц (ἡ χροὴ ὄλη σιδιοειδῆς σφόδρα ἐστὶν ἢ χλωροτέρη οἷη οἱ σαῦροι οἱ χλωροί)» (Hippocrates. De morbis. III, 11; ср.: De diebus iudicatoriis. 9).